

условий уже заключенного договора. Также необходимо закрепить разновидности опционных сделок: опционный договор и опцион на заключение договора. Данные нововведения повлекут за собой и расширение круга субъектов, которые вправе использовать данные конструкции, в том числе и при отчуждении акций (долей) в уставном фонде хозяйственных обществ, что в свою очередь потребует соответствующих изменений в Законе Республики Беларусь «О хозяйственных обществах».

Литература

1. О развитии цифровой экономики [Электронный ресурс]: Декрет Президента Респ. Беларусь, 21 дек. 2017 г., № 8 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр. правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
2. О хозяйственных обществах [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 9 дек. 1992 г., № 2020-XII: в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2017 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр. правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
3. Гражданский кодекс Республики Беларусь: по состоянию на 29 авг. 2020 г. – Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2020. – 656 с.

Соразмерность вреда при крайней необходимости: проблемы оценки

*Филипцова П. А., студ. II к. БГУ,
науч. рук. зав. каф. Савенок А. Л., д-р юрид. наук, профессор*

Причинение вреда в состоянии крайней необходимости характеризуется рядом условий, совокупность которых дает основания для признания его правомерным. Одним из таких условий является соразмерность вреда. Это значит, что причиненный вред должен быть менее значителен, чем предотвращенный. На практике при сопоставлении причиненного и предотвращенного вреда могут возникать некоторые сложности.

В первую очередь при проверке условия соразмерности вреда обращается внимание, каким именно благам или интересам вред причинялся и какие блага или интересы за счет этого были сохранены. В этом заключается так называемый объективный критерий, непосредственно связанный с характером общественной опасности деяний предотвращенного и совершенного. Блага и интересы (жизнь, здоровье, личная свобода, права, законные интересы, собственность, интересы общества и государства и т.д.) классифицируются по степени важности, и на основе этого делается определенный вывод. Так, вред, причиненный жизни человека при убийстве, является большим по отношению к вреду, грозившему общественному порядку вследствие опасности совершения хулиганства.

В случае если причиненный и предотвращенный вред наносится равнозначным объектам, стоит обратиться к количественному критерию, который, в свою очередь, связан с размером вреда, а значит, со степенью общественной опасности деяний. Соотношение размера вреда в научной литературе зачастую становится предметом дискуссий.

К примеру, одна из самых известных частных проблем крайней необходимости – так называемая «коллизия жизней». Она ставит перед учеными-правоведами и практикующими юристами следующий вопрос: можно ли причинить смерть другому человеку ради спасения своей собственной жизни или жизни своего близкого?

Ответ на этот вопрос невозможно дать, опираясь исключительно на правовые нормы. Он будет зависеть и от нравственных представлений конкретного общества, и даже в некоторых случаях от идеологии государства. Например, в советском уголовном праве считалось, что причинение смерти другому человеку ради спасения своей жизни нельзя оправдывать биологическими или психическими свойствами людей, «инстинктом самосохранения» или «презумпцией невменяемости». Такое поведение являлось преступным, так как вред, грозящий конкретному человеку, в любом случае не мог быть сопоставлен с вредом, причиненным общественным интересам и идеалам [1].

В настоящий момент вопрос «коллизии жизней» решается с учетом ключевого принципа правового государства – принципа равенства всех перед законом. Он заключается в том, что люди обладают равным объемом прав, в том числе и равным правом на жизнь. Следовательно, вред, причиненный при смерти одного человека, будет равен вреду, причиненному при смерти другого человека. Так как вред, причиненный в состоянии крайней необходимости, должен быть менее значителен, чем предотвращенный, то причинение смерти другому человеку ради спасения своей жизни будет считаться преступным деянием и влечь за собой уголовную ответственность. Тем не менее, уголовным законом Республики Беларусь нарушение условий правомерности крайней необходимости признается обстоятельством, смягчающим ответственность (п. 9 ч. 1 ст. 63 Уголовного кодекса Республики Беларусь [2]).

Очевидно, что, рассматривая на практике вопросы о соразмерности вреда при крайней необходимости, следует учитывать не только объективные критерии, описанные выше, но и обстоятельства конкретных дел. В данном контексте интересна норма, закрепленная в ч. 3 ст. 39 Уголовного кодекса Украины: «Лицо не подлежит уголовной ответственности за превышение пределов крайней необходимости, если в результате сильного душевного волнения, вызванного грозящей опасностью, оно не могло оценить соответствие причиненного вреда этой опасности» [3]. Полагаем, что введение подобной нормы в белорусское уголовное законодательство может расширить возможности суда при рассмотрении того или иного дела.

Литература

1. Слуцкий, И. И. Обстоятельства, исключаящие уголовную ответственность / И. И. Слуцкий. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1956. – 118 с. – С. 105.
2. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 9 июля 1999 г., № 275-З: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: одобрен Советом Респ. 24 июня 1999 г.: с изм. и доп. Закона от 06.01.2021 г. № 85-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275>. – Дата доступа: 21.04.2021.
3. Кримінальний кодекс України [Електронний ресурс]: 5 квітня 2001 р., № 2341-III: прийнятий Верховною Радою 5 квітня 2001 р.: у ред. Закону від 30.03.2021 р. // Верховна Рада України / Офіційний вебпортал парламенту України. – Режим доступу: <https://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=2341-14&p=1214905443606898#Text>. – Дата доступу: 21.04.2021.

Роль принципа государственного иммунитета для признания и приведения в исполнение решений международных инвестиционных арбитражей

*Чергинец В. В., магистрант БГУ,
науч. рук. зав. каф. Бабкина Е. В., канд. юрид. наук, доцент*

В настоящее время международный инвестиционный арбитраж выступает наиболее предпочтительным способом урегулирования споров между иностранным инвестором и принимающим инвестиции государством [1, с. 222].

Международный арбитраж пришел на смену дипломатической защите инвестора государством страны его проживания и разрешению спора в национальном суде государства инвестирования и предоставляет частному инвестору право самостоятельно предъявлять требования непосредственно к государству и разрешать спор в рамках международного права.

Такой способ защиты инвестором своих прав стал оптимальным ответом на специфическую правовую природу международных инвестиционных споров, проявляющуюся в смешанном субъектном составе, влекущем неравноправное положение сторон спора, и столкновении публично-правовых и частноправовых аспектов.

Помимо прочего, положительной особенностью инвестиционного арбитража является облегченный порядок признания и приведения в исполнение арбитражных решений. Принцип эффективности решения международного инвестиционного арбитража придает большое значение стадии признания и исполнения решений. Именно на этом этапе проявляется результативность механизма урегулирования споров, которая не ограничивается эффективной